

А. В. Дмитриев
Офицеры русской армии на сибирской службе в 30-х гг.
XVIII в. (По материалам Якутского пехотного полка)

Проблема кадрового состава офицерского корпуса русской армии XVIII в. до сих пор очень редко привлекает внимание исследователей. В большинстве работ по истории армии данного периода авторы ограничиваются лишь общими сведениями о том, какие люди получали на службе в вооруженных силах Российской империи чины штаб- и обер-офицеров¹. О положении же полевых и гарнизонных полков, расквартированных на протяжении XVIII столетия в Сибири, специальных работ фактически нет вообще, хотя биографические данные об отдельных лицах, несших военную службу на восточной окраине империи, можно найти в работах Г.Ф. Быкони и М.О. Акишина². Приступая к изучению массива источников, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и содержащих информацию о личном составе полков русской армии на протяжении XVIII в. (Ф. 490, так называемые «Коллекции офицерских сказок»), мы поставили себе задачу выяснить, насколько соответствовало положение воинских частей на территории Сибири требованиям, предъявляемым верховной властью к принципам комплектования и прохождения службы в войсках. В качестве примера нами были избраны сохранившиеся материалы по Сибирскому гарнизонному Якутскому пехотному полку за 30-е гг. XVIII в., т. е. время правления императрицы Анны Иоанновны. Также мы использовали документы Военной коллегии, отложившиеся в фонде Сената (Ф. 248) Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

Прежде всего, несколько слов об истории интересующего нас соединения. Изначально сформированный под названием Тобольского, он

Дмитриев Андрей Владимирович, к.и.н., доцент Новосибирского государственного университета.

Эл. почта: khaldeus@academ.org

¹ К сожалению, это характерно даже для лучших исследований, как уже считающихся классическими, так и современных. См.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке. М., 1958; *Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995; *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб., 2001.

² См.: *Быконя Г. Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Красноярск, 1985; *Акишин М. О.* Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003.

стал одним из трех гарнизонных солдатских полков, предназначенных для перевода в Сибирь и расквартирования там согласно «Плакату о сборе подушном» Петра I. В 1725 г. Тобольский гарнизонный пехотный полк был передислоцирован к новому месту службы, а через год получил приказ развернуться в Забайкалье¹. Переименованный в ноябре 1727 г. по решению императора Петра II в Якутский полк, он был придан посланному для переговоров об установлении отношений с Китаем русскому послу графу С. Владиславичу-Рагузинскому². Местом пребывания штаба полка вскоре сделался новопостроенный г. Селенгинск. В 1734 г. по одной роте из состава полка появились в Нерчинске и Кузнецке. Ввиду того, что полк считался фактически несущим пограничную службу, обозначаясь во всех документах «командированным на китайскую границу»³, Военная комиссия, учрежденная после вступления на трон императрицы Анны Иоанновны в 1730 г., постановила, чтобы Якутский полк, в отличие от других частей гарнизонных войск, состоял из 3 батальонов вместо 2⁴. По той же самой причине как офицерам, так и рядовым, несшим службу в полку, еще ранее, указом Верховного тайного совета от 14 января 1730 г., было предписано выдавать жалование «против армейских полевых полков»⁵. Утвержденный в марте 1730 г. герб Якутского полка выглядел следующим образом: «В золотом щите на красном поле серебряный престол и на нем золотое Евангелие»⁶. Все это свидетельствует о том, что данное воинское соединение с самого начала находилось на особом положении среди гарнизонных полков русской армии в первой половине XVIII в.

Несмотря на это, при комплектовании офицерскими кадрами Якутский полк испытывал те же проблемы, что и прочие соединения русской армии того периода. Проблему удешевления для государственной казны содержания вооруженных сил, над которой бились все годы, прошедшие после смерти Петра Великого, Анна Иоанновна, следуя предложению Военной комиссии, попыталась решить за счет сокращения численности войск. Однако достигалось это, как справедливо заметил Л.Г. Бескровный, «не сокращением людей в полках, а сокращением количества батальонов»⁷.

¹ РГАДА. Ф. 248 О. 7. Д. 380. Л. 391, 398 об. См. также: *Быконя Г.Ф.* Русское неподатное население... С. 174.

² *Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1899. Ч. 2. С. 89; *Быконя Г.Ф.* Русское неподатное население... С. 174.

³ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 392. Л. 893а – 903 об.

⁴ См.: *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. Т. 1. С. 16; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот... С. 54; *Быконя Г.Ф.* Русское неподатное население... С. 175.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 392. Л. 893а, 896 об., 901.

⁶ *Висковатов А.В.* Историческое описание одежды... С. 114.

⁷ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот... С. 56.

Впрочем, мера эта вполне понятна, ведь таким образом экономилась некоторая часть жалования, положенного офицерам. Скажем, число обер-офицеров в пехотных полках в мирное время (по сравнению со штатами 1711 г.) было сокращено с 40 до 34 чел., унтер-офицеров – с 80 до 68 чел.¹ Хотя офицеры и солдаты Якутского полка получали жалование, аналогичное полевым армейским соединениям, однако по своему статусу он все же относился к гарнизонным войскам, имевшим уменьшенные штаты. Поэтому мы будем оперировать цифрами, предназначенными для определения численности офицерского корпуса этих последних. Штаб- и обер-офицеров в гарнизонном пехотном полку должно было быть в мирное время 27 чел., в военное – 29 чел.².

Но даже при всем этом в полках все время сохранялись свободные вакансии. Так, по донесениям в Сенат из Военной коллегии, составленным на основании данных присылавшихся из полков ведомостей и табелей, на 1 сентября 1731 г. в составе Якутского полка числилось по спискам 28 штаб- и обер-офицеров, а для полного укомплектования требовались еще 3 чел. Аналогичная картина наблюдалась и по состоянию на 1 мая 1733 г.: по спискам числилось 38 чел., недоставало еще 2 чел. На 1 января 1736 г. в полку числилось 33 чел., к ним необходимо было добавить еще 7 чел.³. Необходимое пояснение: получающаяся итоговая цифра в 40 чел. больше предусмотренной штатами (27 чел.) за счет прибавления сюда так называемых должностей «унтер-штаба»: полковые комиссары, лекари, писари, подьячие (по 1 чел. в каждом полку), гобоисты (7 чел.), профосы (2 чел.)⁴.

Кроме того, в нашем распоряжении есть данные нескольких инспекторских проверок состояния полка на протяжении 1730-х гг. Мера эта также была новшеством, появившимся в русской армии с начала правления Анны Иоанновны, что уже отметил Л.Г. Бескровный: «Для ежегодной проверки полков учреждалась инспекция, которая снабжалась специальной инструкцией»⁵. Составленные по результатам проверок полковые «сказки» направлялись в Петербург в Военную коллегию. Для

¹ См.: *Столетие* военного министерства. СПб., 1902. Т. 4: Главный штаб. Исторический очерк. Введение: Вооруженные силы России до царствования императора Александра I. Приложения. С. 28; *Быконя Г.Ф.* Русское неподатное население... С. 196–197. Для 1720 г. эти цифры были еще больше: обер-офицеров – 44 чел., унтер-офицеров – 88 чел. Только штаб-офицеров в каждом полку неизменно было по 4 чел.

² *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот... С. 61.

³ Цифры приведены по: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 402. Л. 1113, 1120 (на 1736 г.); Оп. 8. Д. 448. Л. 342, 352 (на 1731 и 1733 гг.).

⁴ Количество этих должностей для гарнизонных полков было также сокращено в сравнении с полевыми частями. Полные штаты армейских пехотных полков см.: *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Русская пехота... С. 255.

⁵ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот... С. 56.

удобства их данные сведены в форме таблицы. По изученным нами архивным материалам картина оказывается следующей.

Таблица 1

**Численность офицерского корпуса
Якутского пехотного полка в 30-е гг. XVIII в.***

Чины	Численность (чел.)		
	1733 г.	1734 г.	1737 г.
<i>Штаб-офицеры:</i>			
Полковник	1	1	1
Подполковник	-	-	1
Премьер-майор	1	1	1
Секунд-майор	-	-	1
<i>Обер-офицеры:</i>			
Капитан	6	5	5
Поручик	7	7	7
Прапорщик	7	7	7
Всего ¹ :	22	21	23

* Подсчитано нами по: РГВИА. Ф. 490. О. 1. Д. 36, 41а, 163.

Как видим, до 1737 г. даже штаб-офицерские чины (подполковника и секунд-майора) в полку оставались вакантными. Постоянно ощущался недостаток офицеров в чине капитана, и даже поручиков и прапорщиков не хватало на все 8 рот полка. Существовал, правда, и своего рода «резерв», поскольку при полку находились также некоторые «закомплектные» офицеры, т. е. те, кто носил обер- или унтер-офицерский чин, получал соответствующее жалование, однако не был приписан ни к одной роте, получая назначение тогда, когда открывалась какая-либо вакансия. Однако все это были люди уже в немолодом возрасте (как правило, свыше 40 лет), ветераны, несшие службу еще с петровского времени, как правило, взятые в армию в ходе рекрутских наборов и начинавшие свой путь рядовыми солдатами. Так, в 1733–1734 гг. в Якутском полку числился «сверх полного комплекта» прапорщик Петр Холмовский, которому уже исполнилось 50 лет. Его воинский стаж отсчитывался с 1703 г., когда его взяли на службу из рейтарских детей г. Тобольска, а свой чин прапорщика он получил в 1725 г. Вполне понятно, что шансов на дальнейшее продвижение по служебной лестнице у таких людей фактически не было.

Присмотримся же повнимательнее к тому, какие люди попадали на службу в Якутский полк в офицерских чинах.

¹ Офицеров в чине подпоручика в Якутском полку, как и в других гарнизонных частях, не было вообще. Должности «унтер-штаба» в таблицу нами не включены.

Командиром полка на всем протяжении 1730-х гг. бессменно был бригадир Иван Дмитриевич Бухгольц, одновременно занимавший должность коменданта г. Селенгинска. Биография его достаточно подробно изложена М.О. Акишиным¹, так что мы остановимся здесь лишь на некоторых интересующих нас деталях. На сибирской службе он находился уже достаточно давно: еще в 1715–1716 гг. он возглавлял отправленную к оз. Ямыш военную экспедицию, силами участников которой были заложены Ямышевская и Омская крепости. В 1738 г. ему уже исполнилось 65 лет. Происходя «из шляхетства», он, в отличие от большинства своих подчиненных, был довольно состоятельным помещиком. Земельные владения его располагались сразу в пяти уездах европейской части страны (Вязьма, Смоленск, Можайск, Кашин, Дмитров), а проживало в них 500 душ крепостных крестьян м. п.² В этом смысле он ничем не выделялся на фоне командиров других гарнизонных или армейских полков.

Правой рукой полковника Бухгольца был Василий Мерлин (1680 г. р.). На протяжении большей части рассматриваемого периода он отсутствовал в расположении полка, находясь по воле Сибирской губернской канцелярии с февраля 1733 г. в «командировании» на Камчатке. Впрочем, это не мешало ему продвигаться по службе: получив чин премьер-майора в марте 1729 г., в мае 1736 г. он уже был произведен в подполковники. Подобно своему начальнику, он также являлся шляхтичем-помещиком, но его благосостояние было гораздо скромнее. Владея имениями в двух уездах (Вяземском и Шацком), он располагал лишь полсотней душ крепостных м. п.³ Его положение тоже было вполне типичным для армейского офицера тех лет, не имеющего счастья принадлежать к одному из видных аристократических родов Российской империи. О. Леонов и И. Ульянов справедливо отмечают, что «после смерти Петра I исчез жесткий контроль над дворянской службой... Отпрыски большинства богатых и знатных фамилий записывались в полки с самого рождения и... по достижении совершеннолетия получали обер-офицерские звания». В результате «многие заслуженные офицеры десятилетиями не повышались в чине; в то же время молодые "протеже" высшего начальства быстро делали карьеру»⁴.

Следующим в ряду полковых штаб-офицеров мы находим Афанасия Алексеевича Зыбина⁵. Выходец из дворянских детей г. Серпухова, он

¹ Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 105–106.

² РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об.; Д. 41а., Л. 1 об.; Д. 163. Л. 1 об. Г.Ф. Быконя ошибочно утверждал, что Бухгольц умер в 1735 г. См.: Быконя Г.Ф. Русское неподатное население... С. 73.

³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 1 об.–2; Д. 41а, Л. 1 об.–2; Д. 163. Л. 1 об.–2.

⁴ Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Русская пехота... С. 67–68.

⁵ О нем см. также: Быконя Г.Ф. Русское неподатное население... С. 83; Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 199.

изначально нес службу в другом сибирском гарнизонном полку – Енисейском пехотном, в составе которого 1 января 1732 г. получил чин секунд-майора¹. Вскоре после этого он был откомандирован в крепости Верх-Иртышской укрепленной линии. Затем мы находим его уже в составе Якутского полка в чине премьер-майора². По данным Г.Ф. Быкони и М.О. Акишина, повышение и перевод он получил в 1736 г.³ Относительно его земельных владений в смотровом списке полка за 1738 г. сказано: «Испомещен в Серпуховском городе... а сколько имеетца мужеска полу душ того за дальностию деревень при службе в Сибири неизвестно»⁴. М.О. Акишин утверждал, что за А.А. Зыбиным числилось в Серпуховском уезде 6 душ м. п.⁵

Схожей оказалась судьба также переведенного из Енисейского в Якутский полк секунд-майора Михаила Окунькова. Ранее он исполнял должность полицмейстера в Тобольске, где часто конфликтовал с горожанами. Как утверждает М.О. Акишин, он «был переведен в Якутский полк с производством из капитанов в майоры»⁶. Однако эти события, по нашим данным, произошли не одновременно. Секунд-майором Окуньков стал в ноябре 1736 г., указ Сибирской губернской канцелярии о его переводе в другой полк датирован 18 июня 1737 г., однако даже в 1738 г. он все еще не прибыл к новому месту службы, поскольку по новому указу губернской канцелярии от 16 ноября 1737 г. продолжал службу в Енисейском полку «до прибытия штапов» (т. е. до момента приезда сюда другого офицера, предназначенного заменить его в составе полка)⁷. Таким образом, в 1738 г. Окуньков, как и подполковник Мерлин, находился в Якутском полку лишь номинально.

Так обстояло дело со штаб-офицерами. Несколько большими данными мы располагаем применительно к обер-офицерам полка. Перечислим их всех именно: капитаны М. Цей, П. Инингрин, Л. Клепиков, И. Тренс, Г. Корнеус, Т. Маремьянинов; поручики М. Цанг, И. Остяков, И. Купер, М. Лебедев, К. Шкадер, И. Горбунов, А. Греченинов, Ф. Попов, В. Басов; прапорщики С. Ковальцов, Д. Фоголзанг, Ф. Тарский, И. Гольц, Т. Черепанов, М. Немчинов, М. Иконников, М. Шкадер. Большинство из них на протяжении 30-х гг. XVIII в. сохраняли свои чины, не получая повышения. Исключение составили М. Цанг, в 1736 г. переведенный из поручиков в капитаны, а также прапорщики М. Немчинов, М. Шкадер и С. Ковальцов, поочередно занимав-

шие друг за другом должность полкового комиссара. Поручики Ф. Попов и В. Басов появились в составе полка в мае 1736 г. Не имея возможности останавливаться здесь подробно на биографии каждого из этих офицеров, отметим некоторые общие тенденции, свойственные принципам комплектования обер-офицерского состава полка, а также отдельные интересные конкретные данные по ряду фигур¹.

Прежде всего, эти люди достаточно давно несли военную службу: возраст большинства из них уже превышал 40 лет. Исключение составлял один лишь поручик Андриан Греченинов (1702 г. р.). Все они были взяты в армию еще в петровскую эпоху, в промежутке между 1704 и 1720 гг. Подобная ситуация вообще была характерна для всей первой половины XVIII в., поскольку, как справедливо отмечал Г.Ф. Быконя, «в гарнизонные части направлялись офицеры... уже неспособные к тяготам полевой службы»². Впрочем, в 30-е гг. XVIII в. полки Сибирского гарнизона, в том числе и Якутский, по-видимому, совсем не получали пополнений из состава полевых армейских частей. На это указывают, в частности, данные о происхождении перечисленных выше офицеров: 10 чел. из них были уроженцами Сибири, и лишь 3 – выходцами из европейской части России. Так, капитан Лев Клепиков происходил из дворянских детей г. Тобольска³, Тимофей Маремьянинов был сыном тобольского конного казака⁴. Поручик Иван Остяков был сыном драгуна из Ялutorовской слободы Тобольского уезда⁵, А. Греченинов и Федор Попов были взяты на службу из неверстаных детей боярских Томска и Тобольска соответственно⁶. Василий Басов и вовсе был сыном тобольского крестьянина⁷. Прапорщик Федор Тарский происходил из пеших казаков Томска⁸, Тимофей Черепанов – из тобольских казачьих детей⁹, Михаил Немчинов ранее был сыном боярским в Тобольске¹⁰, Михаил Иконников – там же конным казаком¹.

¹ Все приведенные ниже сведения взяты нами из полковых «сказок»: РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36, 41а, 163.

² Быконя Г.Ф. Русское неподатное население... С. 201. Когда во второй половине 1730-х гг. шло формирование Оренбургского гарнизонного драгунского полка, сенатским указом Военной коллегии специально предписывалось в новый полк «определить офицеров таких, которые из армии к отставке присланы бывають и гарнизонную службу снести еще могут». См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 500. Л. 221.

³ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 85 об.; Д. 41а. Л. 88 об.

⁴ Там же. Д. 36. Л. 143 об.; Д. 41а. Л. 71 об.; Д. 163. Л. 87 об.

⁵ Там же. Д. 36. Л. 27 об.; Д. 41а. Л. 3 об., 28 об.; Д. 163. Л. 4 об.

⁶ Там же. Д. 36. Л. 143 об.; Д. 41а. Л. 110 об.; Д. 163. Л. 35 об., 139 об.

⁷ Там же. Д. 163. Л. 61 об.

⁸ Там же. Л. 47 об.; Д. 41а. Л. 52 об.; Д. 163. Л. 61 об.

⁹ Там же. Л. 85 об.; Д. 41а. Л. 88 об.; Д. 163. Л. 113 об.

¹⁰ Там же. Д. 36. Л. 2 об., 105 об.; Д. 41а. Л. 110 об.; Д. 163, Л. 139 об.

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 22. Л. 1 об.–2.

² Там же. Д. 163. Л. 1 об.–2.

³ См.: Быконя Г.Ф. Русское неподатное население... С. 83; Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 199.

⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 163. Л. 1 об.

⁵ Акишин М.О. Российский абсолютизм... С. 204.

⁶ Там же. 173.

⁷ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 163. Л. 2.

Исключение на этом фоне составляли трое выходцев из Москвы: поручики Иван Купер – «полковничей сын»², Максим Лебедев – из дворянских боярских людей³, а также прапорщик Степан Ковальцов – из боярских людей «дому стольника Алексея Нарышкина»⁴.

Другой интересной особенностью является присутствие среди офицеров полка немало числа иноземцев. Конечно, это было характерным явлением практически для всех полков русской армии как в эпоху Петра Великого, так и в правление Анны Иоанновны, однако применительно к соединениям, расквартированным в Сибири, о нем упоминают крайне редко. А между тем, только в Якутском полку на протяжении 1730-х гг. мы находим 9 чел. «швецкой» и «лифлянской нации», причем среди капитанов их оказывается вообще большинство. Здесь и попавшие в русский плен под Полтавой в июне 1709 г. шведы: рейтары Генрих Корнеус (он, правда, был по происхождению финном)⁵ и Иоганн Гольц⁶, драгун Петер Инингрин⁷; и разделившие их судьбу в середине 1710-х гг. лифляндцы: прапорщики Михаэль Цей и Михаэль Цанг (оба – дворянского происхождения)⁸, драгун Давид Фоголзанг⁹; и саксонец Иоганн Тренс¹⁰. Лишь братья Магнус и Кузьма Шкадеры были «добровольцами», сыновьями капитана-лифляндца, отправившимися на сибирскую службу «своей волей»¹¹.

В отличие от своих собратьев в других воинских частях, обер-офицеры Якутского полка не располагали собственными землями и крепостными, так что должны были нести службу на получаемое от казны жалование. Небезынтересны сведения об их образовательном уровне. Из всех перечисленных офицеров неграмотных было только 4 чел., остальные, если верить данным полковых «сказок», умели читать и писать, причем большинство иностранцев владели двумя языками: русским и немецким. Достаточно благополучно обстояло дело и с точки зрения соблюдения государственных законов и воинской дисциплины. Среди полковых офицеров «в фергере и криксрехте были»

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 143 об.; Д. 41а. Л. 71 об.; Д. 163. Л. 87 об.

² Там же. Л. 47 об.; Д. 41а. Л. 52 об.; Д. 163. Л. 191 об.

³ Там же. Д. 36. Л. 67 об.; Д. 41а. Л. 71 об.; Д. 163. Л. 87 об.

⁴ Там же. Д. 36. Л. 5 об.; Д. 41а. Л. 3 об.; Д. 163. Л. 2 об.

⁵ Там же. Д. 36. Л. 123 об.; Д. 41а. Л. 128 об.; Д. 163. Л. 165 об.

⁶ Там же. Д. 36. Л. 67 об.; Д. 41а. Л. 71 об., 128 об.; Д. 163. Л. 165 об.

⁷ Там же. Д. 36. Л. 27 об.; Д. 41а. Л. 28 об.; Д. 163. Л. 35 об.

⁸ Там же. Д. 36. Л. 5 об.; Д. 41а. Л. 3 об., 28 об.; Д. 163. Л. 5 об., 61 об.

⁹ Там же. Д. 36. Л. 27 об.; Д. 41а. Л. 28 об.; Д. 163. Л. 4 об.

¹⁰ Там же. Д. 36. Л. 105 об.

¹¹ Там же. Д. 36. Л. 2 об., 85 об., 123 об.; Д. 41а. Л. 1 об., 88 об.; Д. 163. Л. 35 об., 113 об.

(т. е. состояли под военным судом) лишь 3 чел.: капитан Т. Маремьянинов – за утайку одного из солдат от инспекторского смотра в 1733 г., а также поручики И. Купер, по указу Сибирской губернской канцелярии препровожденный под арестом в Тобольск в сентябре 1735 г., и К. Шкадер, арестованный в Якутске и отправленный в Москву в декабре того же года¹. Остальные же, насколько можно судить, ни в чем предосудительном замечены не были.

Помимо своих основных обязанностей, обер-офицеры Якутского полка выполняли множество иных функций. Вполне справедливо замечание современных исследователей о том, что любой полк «активно участвовал в жизни того уезда, к которому был причислен и в котором располагался»². Круг занятий армейских офицеров оказывался чрезвычайно разнообразным: «сбор денег и продовольствия на содержание полка, рекрутские наборы, поимки беглых крестьян, искоренение разбойничьих шаек и участие в работе судебных органов – все занятия военнотружущих трудно перечислить»³. Аналогичная картина наблюдалась и в гарнизонных полках, дислоцированных в Сибири, хотя и с поправками на специфику жизни и службы в этом отдаленном крае. Так, на момент проведения инспекторских проверок при полку находились: в 1733 г. – 6 чел., в 1734 г. – 7 чел., в 1737 г. – 8 чел. (не считая тех, кто командовал ротами, переведенными в Нерчинск и в Кузнецк). Более половины офицеров постоянно находились в «командировании», нередко за многие сотни верст от Селенгинска. Приведем здесь несколько примеров.

В 1732 г. поручик М. Цанг по распоряжению из Иркутска был отправлен на Камчатку «за безымянными арестантами»⁴. Поручик И. Остяков в 1733 г. оказался в Иркутске «на вечной квартире у збору подушного», вскоре его сменил там А. Греченинов⁵. Капитан И. Тренс в 1732 г. отправился в Москву «для требования на полк мундиру», а в 1734 г. туда же поехал прапорщик М. Немчинов «для требования на полк аммуниционных вещей»⁶. Капитан Т. Маремьянинов в 1733 г. стал командиром гарнизона Кяхтинского форпоста на границе с Китаем, в 1736 г. его сменил прапорщик Д. Фоголзанг⁷. Сам же Маремьянинов в дальнейшем оказался в Якутске, где заведовал снабжением провиантом Камчатской экспедиции В. Беринга и

¹ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 163. Л. 88, 114, 192.

² *Леонов О.Г., Ульянов И.Э.* Русская пехота... С. 68.

³ Там же. С. 68–69.

⁴ РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 36. Л. 6; Д. 41а. Л. 4; Д. 163. Л. 62.

⁵ Там же. Д. 36. Л. 6. Д. 41а. Л. 111.

⁶ Там же. Д. 36. Л. 106; Д. 41а. Л. 111.

⁷ Там же. Д. 36. Л. 144; Д. 41а. Л. 72; Д. 163. Л. 5.

А. Чирикова через Охотский порт ¹. Словом, полковые офицеры брали на себя немалую часть забот местной администрации.

На основании изложенного мы приходим к следующему выводу. Особое положение, занимаемое Якутским пехотным полком среди других гарнизонных частей русской армии рассматриваемого периода, несомненно, сказывалось на принципах комплектования и кадровом составе несших в его рядах службу офицеров. На это указывают приведенные выше данные об их происхождении и имущественном положении. Вместе с тем, отмеченные нами проблемы, связанные с нехваткой офицерских кадров и загруженностью тех, кто находился на службе, обязанностями, зачастую далекими от военного дела, были общими для всех соединений русской армии второй четверти XVIII в.

¹ Там же. Д. 163. Л. 88.